

НОВАЯ ПЛАНЕТА

В. САПАРИН

Рис. Ю. Коровина

Научно-фантастический рассказ

Сергей держал в руках большой черный пакет — в таких обычно хранят фотобумагу.

Вид у моего племянника был необычно торжественный.

— Ну, дядя, — сказал он, — посмотри на эти снимки.

И он высыпал на письменный стол несколько цветных фотографий.

Я не спеша надел очки и взял в руки один из снимков. Он походил на кусок карты, но краски на карте были размыты, а очертания не имели резких контуров. Все было в какой-то дымке, которая в верхней части фотографии переходила в плотную белую пелену.

На других снимках можно было различить отдельные части сферической поверхности, испещренной линиями и жилками.

Что можно было сказать про эти картинки?

Всякий, кто имел когда-нибудь дело с фотографией, знает, как обманчивы бывают снимки. Горошина, сфотографированная вблизи и отпечатанная с увеличением, покажется незнакомой планетой с таинственными каналами и морщинистыми складками гор. И наоборот, снимок настоящей планеты может выглядеть, как дырочка в эмульсии, покрывающей бумагу.

— Что это по-твоему? — спросил Сергей, покачиваясь во вращающемся кресле — мальчишеская привычка, сохранившаяся в нем, несмотря на возраст.

Я разложил снимки веером, как игральные карты.

— Ну, дядя, — торопил меня Сергей, — отвечай.

— Планета?

Сергей утвердительно кивнул головой.

— Какая? — спросил он. — В этом весь вопрос!

В голосе его прозвучали торжествующие нотки.

Я еще раз посмотрел на снимки. Какая же это планета? Венера? Известно, что она закрыта толстым слоем облаков, сквозь которые еще не проникли человеческий глаз. Впрочем, современная техника фотографирования в инфракрасных лучах дает возможность фотографу видеть и сквозь облака. Но для этого надо фотографировать Венеру не с Земли, а с более близкого расстояния.

Может быть, Марс? Он изучен уже давно. В земные телескопы астрономы рассмотрели много деталей его поверхности, а еще больше засняли своими фотоаппаратами. Карты Марса по своей точности уступают только лунным. Но, конечно, совершенствование аппаратуры и увеличение чувствительности фотопленки будут приводить ко все новым открытиям.

На снимках, которые я держал в руках, были видны тонкие линии довольно правильной формы, исчертившие лик планеты в разных направлениях.

Что же это? Знаменитые каналы Марса, о которых было столько споров? Должен сказать, что я не следил последнее время за астрономической литературой, но, помню, многие сомневались в существовании этих каналов.

В самом деле, гипотеза была слишком смелой: будто бы на этой планете, где мало влаги, сооружены огромные каналы, по которым вода, образующаяся каждое лето в результате таяния полярных ледяных шапок, течет в центральные пустыни Марса, порождая в этих красноватых песках на короткий период жизнь.

На Марсе действительно есть растительность, то расцветающая, то увядающая в зависимости от смены времен года, — это подтвердили наблюдения советских астрономов еще в сороковых годах нашего века. Но какое отношение имеют к этому разумные обитатели планеты, которых на Марсе, по видимому, и не может быть? Возможно ли вообще, чтобы такая исполинская работа оказалась им под силу?

Однако каналы на снимках были заметны совершенно явно. Сетка правильных линий покрывала выпуклую щеку планеты — вернее, ее часть — на огромном протяжении!

Ну, что ж... Очень приятно, что наука разрешила, наконец, этот спорный вопрос.

Восторг Сергея вполне оправдан. Особенно, если учесть, что мой племянник работает в институте межпланетных сообщений. Конечно, первым людям, высадившимся на Марсе, очень интересно будет встретиться с марсианами.

Правда, пока сообщений ни с какой планетой еще не завязано. Институт Сергея только изучает возможности таких сообщений в будущем и экспериментирует в поисках путей для осуществления этой идеи. Но тем не менее открытие сотрудников института имеет выдающийся интерес.

— В какой обсерватории снято? — спросил я, кивая на снимки.

Сергей усмехнулся.

— В ракете мало места: обсерватория там не размещается. Портативный телескоп сумели приспособить, и то хорошо!

— Постой, постой! Значит, снимки сделаны...

— С борта космической ракеты, — спокойно подтвердил Сергей. — Без людей, конечно. Пока еще не было космического похода человека. Но управляемые с Земли ракеты отправляются нашим институтом в межпланетное пространство с регулярностью радиозондов, с помощью которых изучается земная атмосфера.

— Зачем же столько полетов? Проверяете работу двигателей?

— Не только. В космическом пространстве ракеты подстерегают два главных врага: метеориты — пылинки, несущиеся с огромными скоростями и приобретающие от этого свойства бронебойных пуль, и космические лучи. Эти уж совсем ничтожные частицы обладают такой энергией, что пронизывают насквозь все препятствия. На Земле мы защищены от их опасного действия надежной броней атмосферы. Для ракет тоже пришлось создать подобную броню. В подробности, сам понимаешь, я тебя посвящать не буду. Скажу только одно: все больше и больше наших опытных ракет возвращаются теперь благополучно на Землю. И недалек, может быть, тот час, когда человек сможет отправиться в первый космический рейс.

— Судя по снимкам, — сказал я, — ракета подошла к этому небесному телу почти вплотную.

— Пять тысяч километров, — сообщил Сергей. — Снято в телескоп с сильным увеличением. К сожалению, не все ладно получилось с наводкой на фокус. Видишь, есть совсем размытые фотографии.

— А как вы это делаете? Наводите на фокус? — Во мне заговорила жилка фотолюбителя.

— Штука нехитрая, — объяснил Сергей. — Радиолокатор на борту ракеты определяет расстояние до объекта, и фокус устанавливается автоматически. Но, как видишь, автоматика иногда подводит. Однако мы отвлеклись. Я задал тебе вопрос. Какая это планета?

В самом деле, я до сих пор не ответил на вопрос Сергея!

Проще всего, конечно, было бы сказать наугад: «Марс» или «Венера» (речь могла идти только о них!) — и тут же узнать правду. Но мне хотелось угадать самому.

— Ну, что ж, — начал я издали, — из большой семьи планет нашей солнечной системы ближе всего к Земле расположены Венера и Марс. Трудно ожидать, чтобы вы послали ракету сразу в самую даль, куда-нибудь за Юпитер, к Нептуну или Урану, не говоря уже о Плуtone. Очевидно, первому обследованию, хотя бы и с некоторого еще расстояния, подвергнется самая ближайшая к нам планета.

Я остановился, Сергей терпеливо ждал.

— До сих пор ты рассуждал совершенно правильно, — сказал, наконец, Сергей. — Особенно последняя твоя мысль...

Это замечание меня ободрило.

— Такой планетой, — уже уверенно объявил я, — как всем давно известно, является Венера.

Восхищенный своей догадкой и снимками, которые держал в руках, я несколько взволнованно продолжал:

— Эти снимки впервые открывают человеку, как выглядит скрывавшаяся так долго от наших взоров планета. Это...

— Вот тут ты ошибся, — перебил меня Сергей. — То есть насчет того, что снимки впервые показывают и так далее, ты прав. Ну, а насчет того, что это Венера, — тут чистейшее заблуждение!

Такого промаха я не ожидал!

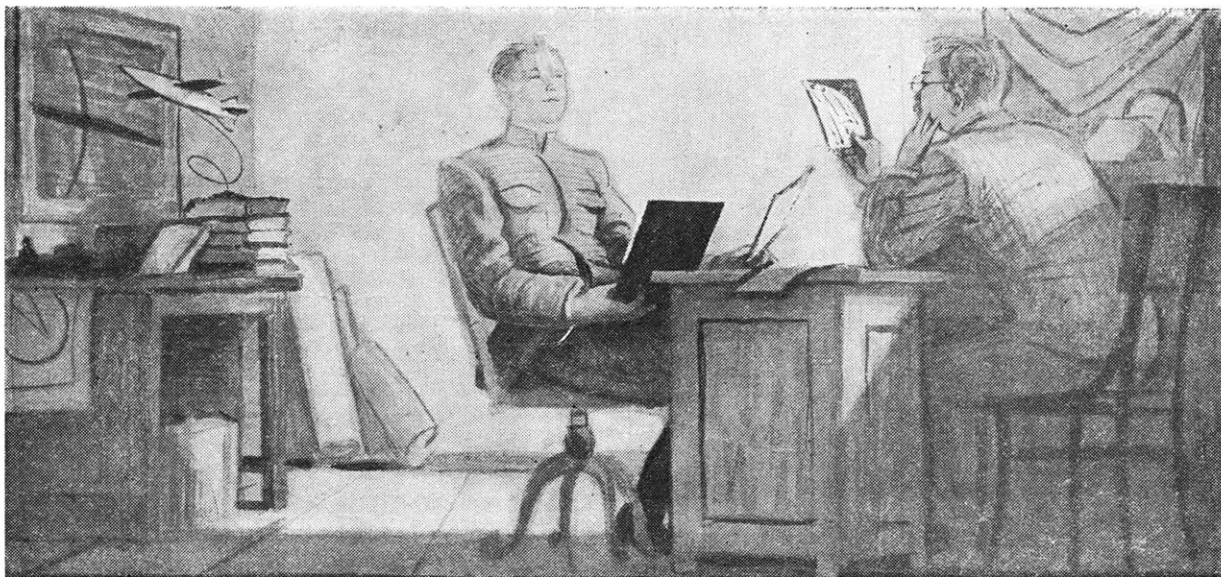
Что же еще может быть близким к Земле? Ах, да!.. Как же я забыл! Астероиды! Эти крошечные планетки целым роем обращаются вокруг Солнца между орбитами Марса и Юпитера. Возможно, что какой-нибудь новый, еще не известный земным астрономам астероид «затесался» между Марсом и Землей, и космическая ракета, пролетая мимо этой планетки, сфотографировала ее с близкого расстояния.

Я поделился своими соображениями с Сергеем, но он только пожал плечами.

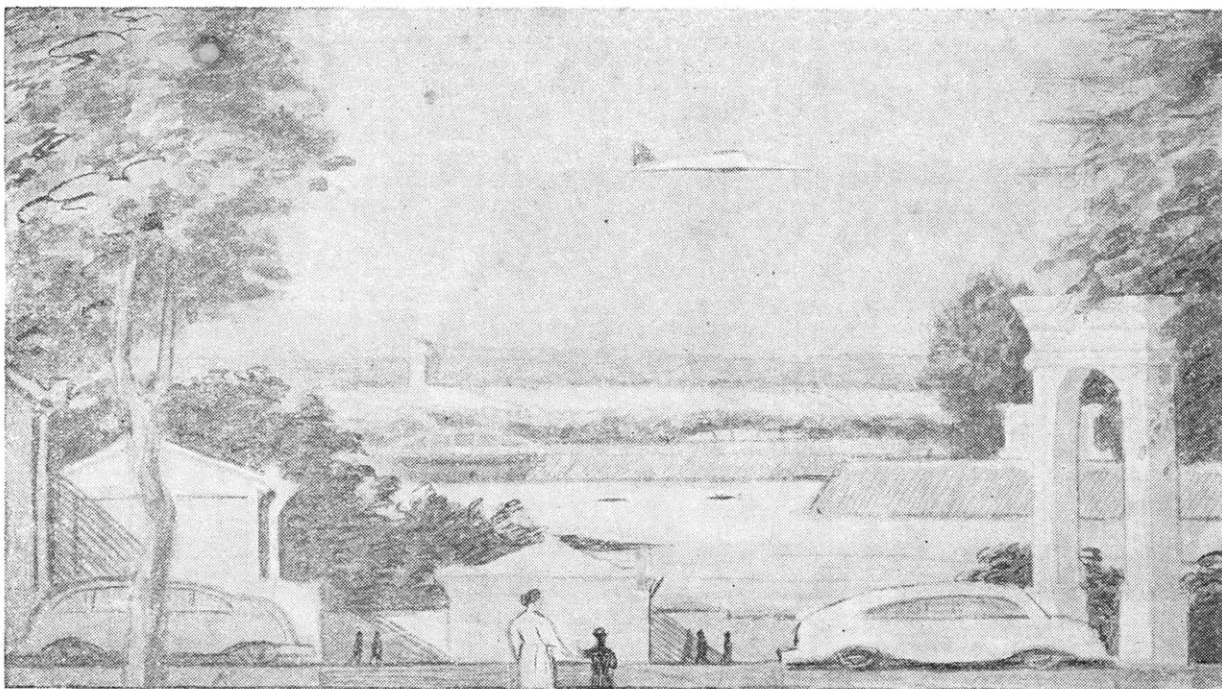
— Интересно все же, насколько я близок к истине?

— По астрономическим масштабам сущий пустяк: тебя отделяют от нее какие-то доли астрономической единицы¹. Ну, а по нашим земным представлениям, порядочно: десятки миллионов километров.

¹ Астрономическая единица равна среднему расстоянию от Земли до Солнца, что соответствует 149 миллионам километров.

— Что это по твоему? — спросил Сергей.

— Да, тут не скажешь «горячо», как в детской игре.
— А между тем ты почти угадал. Уже многое ты сказал правильно. Планету, которую ты видишь на снимках, не наблюдал до сих пор ни один астроном, а линии на снимках, оливковая сетка, покрывающая огромные пространства в поле зрения телескопа, — это искусственные сооружения, созданные руками ее обитателей. Это совершенно бесспорно.

— Как же выглядят эти циклопы? — воскликнул я. Сергей посмотрел на меня с жалостью.

— Да я думаю, они не особенно отличаются от нас с тобой, — сказал он. — Уж если мы могли послать свои глаза в космической ракете в межпланетное пространство и наблюдать все, окружающее ракету, как если бы находились в ней, почему бы этим обитателям неизвестной тебе планеты не применить каких-нибудь изобретений для облегчения своего труда.

— Так ты считаешь, что они по своему развитию?

— О да, стоят на очень высоком уровне!

Сознаюсь: все это было и в самом деле неожиданно. Сергей наблюдал меня с чувством глубокого удовлетворения.

— Ну, — сказал он, вдоволь насладившись моим замешательством, — хочешь, дядя, пари? В этой папке, — он взял со стола красивую синюю папку, — маршрут ракеты, вычерченный по показаниям приборов земных и космических, то есть ракетных. Короче: здесь отгадка.

— Ну и что же? — Я протянул руку к синей папке. — В чем же дело?

— Э, нет, — возразил Сергей, отнимая папку. Он убрал ее в ящик стола и повернул два раза ключ в замке. — Тебе дается срок: три дня. В течение этого срока ты должен дать ответ. Коротко, в двух-трех словах. Можно в нескольких вариантах, чтобы тебе легче было угадать. И если хоть один из этих вариантов окажется правильным, ты получишь от меня в подарок... Ну, словом, тогда сговоримся!

* * *

Мне не пришлось увидеться с Сергеем ни через три, ни через тридцать три дня. На другой день после нашего разговора он уехал, не сообщив мне куда. На мои звонки в институт мне отвечали, что мой племянник занят какой-то важной и неотложной работой.

Я не знал тогда, что на другой день после моей встречи с Сергеем было получено разрешение на пер-

вый в истории Земли вылет людей в межпланетное пространство. Среди трех человек экипажа был и мой племянник. Он выехал на опытную станцию института, где все космонавты проходили длительную подготовку.

Сама история полета хорошо всем известна.

Газеты, журналы, книги и кино рассказали о ней во всех деталях.

Но в то время, когда дерзновенный «прыжок» в пространство только совершался, наши смелые товарищи, штурмовавшие небеса, заставили нас немало пережить.

Ракета, стартовавшая с ракетодрома, сооруженного в одном из малонаселенных районов страны, соскользнула с поверхности Земли и, как управляемый метеор, устремилась к Луне. Бледный диск ее разрастался, приобрел выпуклость, наконец занял почти половину черного неба, которое видели в иллюминаторы ракеты космические путешественники. Ракета обогнала Луну, описав огромную петлю; и люди впервые увидели и сфотографировали тыльную сторону спутника Земли, который, как известно, всегда повернут к нам одной и той же стороной.

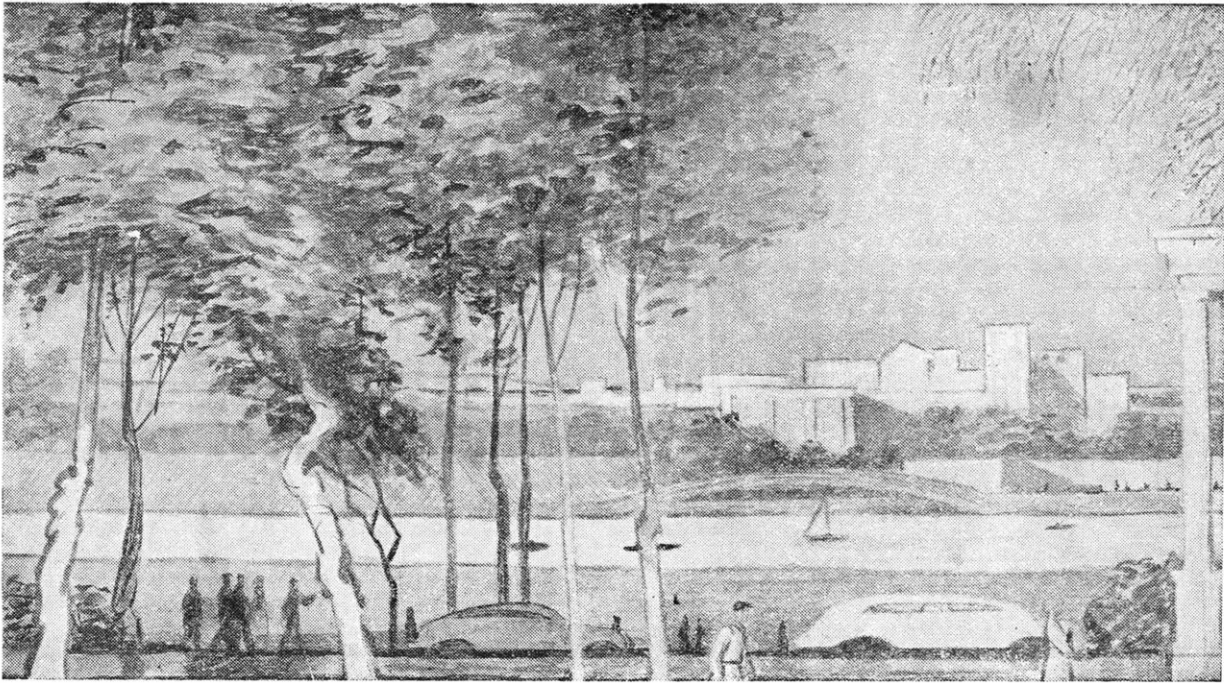
После этого путешественники легли на обратный курс — на большое светило, красовавшееся в черном небе, на родную Землю.

Тут-то и произошел знаменитый просчет, по поводу которого ученые спорят до сих пор. Ошибка в работе одного из приборов на борту ракеты либо недостаточно точные теоретические расчеты силы тяги реактивных моторов в меняющихся условиях полета (заранее все до тонкости предвидеть трудно) привели к тому, что ракета, вместо того чтобы сесть «тютелька в тютельку» на подготовленную площадку в районе ракетодрома, «промахнулась», правда немного, километров на пятьдесят. Космонавты решили не разворачивать ракету и, продолжая полет, приземлиться в одной из запасных зон. Так небесные путешественники очутились в Заволжье.

Жертв не было. Конструкция ракеты была весьма совершенной.

Но тут космонавтов ожидало новое «испытание», самое трудное, как уверял меня впоследствии Сергей.

Люди, столько перенесшие во время путешествия в космосе, поступили в распоряжение врачей; и те предписали всем пациентам строгий постельный режим в течение недели, запретив им на это время почти все сношения с внешним миром.

Вот по истечении этой недели я и получал телеграмму от Сергея:

«Лежу, скучаю, разговаривать разрешают только десять минут в день. В ближайшее воскресенье этот запрет обещают снять. Приезжай, поболтаем»

* * *

В субботу у нас в школе был учительский совет, и пришлось задержаться. Но я позвонил на аэровокзал и заказал билет.

Замечательная эта штука — ночной авиаэкспресс: садишься в двенадцать ночи в кабину «воздушной стрелы», устраиваешься в спальном месте, закрываешь глаза, а просыпаешься на другом конце страны.

...Проснулся я слишком рано. Все пассажиры еще спали. Самолет шел низко — на высоте двух километров. Я взглянул в окно: бесконечная равнина расстилалась внизу.

В груди моей вдруг что-то толкнулось, словно пушистый котенок пробежал по коленям и ткнулся мордочкой в подбородок. Ведь я родился в этих местах! И здесь провел свои детские годы...

Раздвинулись стенки самолета, все исчезло, и я преподаватель истории в средней школе, пожилой, начинающий стареть человек, увидел мальчика, шагающего босиком по укатанной дороге, прислушивающегося к гудению проводов, которые тянутся на столбах за горизонт. Вокруг степь, ровная, необъятная, с неба пышет жаром; и чувствуешь себя, как в огромной русской печи.

Сухие кучки земли, суслики на каждом шагу, сторожащие норки и не очень поспешно скрывающиеся при приближении человека. В воздухе тонкое посвистывание зверьков. Точно сама звенящая трава, жесткая и ломкая, сухо трещат цикады.

Приложив ухо к телеграфному столбу, долго слушаешь, и кажется, что там, внутри, натянуты струны, по которым пробегает все тот же жаркий и злой ветер — суховей.

Иногда его опаляющее дыхание окутывает все дымным маревом, и тогда кажется, что степь горит. Земля тлеет и обжигает ступни, как горячая зола.

Страшна стихийная сила природы! Даже обыкновенный ветер, лишенный влаги, в несколько недель или дней истреблял урожай, как саранча. Он высасывал влагу из миллионов растений и лишённые жи-

венных соков, они погибали. О, я помню голодный, засушливый 1921 год...

Кто управляет ветрами на земном шаре? Во все времена существования человечества этим беспрепятственно занималось Солнце, которое приводит в действие стихийные силы природы во всей подвластной ему солнечной системе.

И никто не думал о том, что можно вырвать у этой звезды хотя бы частицу ее власти над судьбами человеческими.

Какая-то воздушная «колдобина» встряхнула наш экипаж. Я глянул вниз.

Широкая многоводная река блестела и искрилась на солнце; с высоты она казалась застывшей вместе со всеми своими струями. Могучая Волга! Зеленые берега ее кудрявились. Лес покрывал и высокий и низкий ее берега. Казалось, рядом с голубой рекой текут две зеленые реки, такие же огромные и неподвижные.

От этих зеленых рек отходили зеленые ручьи и ручейки, местами впадавшие в зеленые озера, откуда они снова текли дальше. В зеленой сетке тут и там мелькали голубые пятна настоящих озер и прудов. В зеленых лесных клетках виднелась зелень другого тона, вернее — других оттенков: от яркой цыплячье-желтоватой до матово-сизой. То были поля.

Степь тянулась без конца, разнообразная, зеленая, с генью от деревьев, насыщенная жизнью и влагой. Ничего похожего на степь моего детства.

Черепичные крыши проглядывали в зелени садов, кирпичные стены выделялись на фоне густой пшеницы. Высокие здания в два-три этажа, некоторые с колоннами и фронтонами. Может быть, этот городок или поселок и есть селцо Степное, по улицам которого я бегал когда-то мальчишкой? А может быть, вот оно показалось в окружении прудов и лесов, которых здесь никогда не было?

Это было похоже на какой-то чудесный сон!

Бывает, что попадешь в город, где ты жил в дни твоего детства. Найдешь улицу, где стоял дом, во дворе которого играл со сверстниками. Но самый дом найти не можешь. Нет его. Большой многоэтажный дом на целый квартал стоит там, где лепились тесные дворики. И улица — не та улица, как запомнилась она в детстве. Все новое: ширяча ее, палисадники, дома, деревья, мостовая, и вдет она даже в другом направлении

Рассказ его изобилует множеством интересных подробностей.

Да и город, если уж на то пошло, совсем не тот. Кажется, что попал в новый, чудесный мир, где бродишь с интересом, ко всему приглядываешься, все для тебя новое, и только вдруг скверик на углу или старое сохранившееся здание аптеки напомнит остро тебе, что мимо них ты ходил когда-то в школу.

Но построить новый дом, расширить улицу, переделать город — это еще сравнительно легко себе представить, это в возможностях человека, к этому мы привыкли.

То же, что было передо мной, опрокидывало все установившиеся представления.

Переделать степь! Да не одну степь, а огромные степные пространства. Обуздать солнце, покорить стихию...

Я вспомнил волнующие дни 1948 года, когда был опубликован сталинский план преобразования природы на огромной территории нашей родины. И годы, последовавшие затем. Я сам участвовал в первых посадках. Миллионы людей ежегодно выходили на рубежи, где создавались тысячекилометровые лесные заслоны против суховеев, истреблявших урожай. Как радовались мы сообщениям о повсеместном перевыполнении великих предначертаний сталинского плана!

А потом... Потом стали осуществляться новые планы, еще более грандиозные. Поворот вспять сибирских рек и использование их водных богатств для орошения пустынь солнечного юга. Ангарский каскад с его гидростанциями, преобразующий всю жизнь глухого когда-то края! И другие дела, не менее замечательные.

Посадка же и охрана деревьев стала буднями, естественным, само собой подразумевающимся, привычным делом.

Лично я не то что забыл, а как-то свылся с мыслью о том, что вот в степях проводится грандиозная систематическая работа, но сами степи представлял себе все еще такими, какими они запечатлелись в моем мозгу еще с детства.

Мысли эти пронесли у меня в голове, пока самолет шел на посадку. Через минуту он стоял на степном аэродроме — ровной площадке, покрытой газоном, как футбольное поле.

А еще через минуту санаторный вечемобиль¹ вез нас по гладкой степной дороге.

Показались дубовая роща, огромный пруд или озеро с купальнями и лодками для катанья и даже с неболь-

шим водопадом, широкое здание с массой открытых и застекленных веранд и балконов и густой парк за ним.

Вечемобиль въехал в ворота и остановился у веранды степного санатория.

* * *

Сергей лежал на кровати и со скучающим видом держал в руках какую-то книгу.

Он очень обрадовался, увидев меня.

— А ты все такой же, — сказал он, любовно глядя на меня, пока я пересекал огромную комнату. — Ничуть не изменился. Ну, как твои дела? Как успехи у твоих учеников?

— Какие у меня дела? — возмутился я. — Ты расскажи. Ведь ты побывал там, где...

— Еще никогда ни один человек и так далее, — перебил меня Сергей. — Ты что же, пришел цитировать, что пишут в газетах?

Сергей был в отличном настроении. Он шутил, смеялся.

Рассказ его изобилует множеством интересных подробностей. Но они теперь всем известны, и я не буду их повторять.

Упомяну только деталь, о которой, по-моему, нигде не сообщалось.

Когда ракета на обратном пути подлетала к Земле и космонавты отыскивали на обращенной к ним поверхности земного шара свою посадочную площадку («Мало, знаешь, у нас еще космодромов», — пошутил Сергей), пришлось сделать небольшой, но довольно резкий поворот, чтобы выправить курс. В этот момент в ракете, рассчитанной на более плавные повороты, возникли такие напряжения, что явственно раздался треск оболочки, а люди были втиснуты страшной силой в свои поворачивающиеся на специальных подвесах кресла-диваны.

Штурман на минуту потерял сознание. Сергей, по его словам, так обессилел, что не мог шевельнуться.

«Нет, мы советские люди», — упрямо пропел пилот, не снимая пальцев ослабевших рук с кнопок управления.

— Понимаешь, — рассказывал мне Сергей, — нацелил все-таки ракету и посадил здесь, в степях.

Мы болтали о том, о сем и не заметили, как прошел целый час.

Я собрался уже прощаться, как вдруг вспомнил про ту диковинную планету, которой мне морочил голову перед отлетом Сергей.

— Ну, а встретили вы ту планету, — спросил я, — снимки которой ты мне показывал?

¹ Вечемобиль — экипаж,двигающийся с помощью электроэнергии, передаваемой без проводов.

— Разумеется. Мы пролетали очень близко и даже сядились на нее. Правда, не особенно удачно.

— Что же это за планета? — воскликнул я. — По близости от Луны нет никаких планет. Ты шутишь?

— Дядя, ты очень недогадлив. Ты живешь на этой планете уже шестьдесят лет.

— Как?

— Это та самая Земля, на которой мы с тобой сейчас находимся.

— Какая же это новая планета? — возмутился я. — Э-э... милый, не ожидал от тебя такой штуки! Ты проиграл пари и теперь выкручиваешься.

— Дядя, — Сергей посмотрел на меня почти с неподдельной грустью, — ну как ты не понимаешь? Это самая настоящая новая планета.

— Ну, знаешь!.. — продолжал я возмущаться. — Смотря с какой точки зрения.

— Ну, давай взглянем, так сказать, из мирового пространства... Хочешь? Поставь себя на место астронома Марса или, допустим, Венеры. Правда, там нет разумных обитателей — это теперь доказано. Но предположим, что они есть!

— Если эти астрономы так же внимательно изучают нашу Землю, как мы соседние планеты, они уже давно имеют точное представление о земном шаре.

— Вот именно. И вдруг открывают новую планету!

— Не понимаю.

— Ты только представь себе. На планете, которую марсиане и жители Венеры разглядывают в свои телескопы и фотографируют, может быть, уже не одну сотню лет, появляется вдруг неизвестно откуда новое озеро. На марсианских картах Земли его никогда не было. Марсианские астрономы протирают глаза, но факт остается фактом: появилось озеро. «Узбекское море», называем мы это искусственное водохранилище, созданное руками советских людей, чтобы изменить природу Земли на большой территории в нужном нам направлении. Марсиане назовут его, конечно, по-своему и скрупулезно отметят на своих картах Земли. Марсианские ученые начнут высказывать разные предположения о причинах появления озера. Пойдут споры. А в это время на хорошо изученном ими лике планеты обнаруживается еще одна новость: в телескопы видны какие-то слабые линии. Эти линии с каждым годом делаются все заметнее. Огромная территория заштриховывается зелеными черточками, словно нанесенными рукой какого-то космического гиганта. Лесные полосы, — по-нашему, изменение природы степей. А для марсиан это предмет новых споров и толков. Марсианские ученые не успевают выступить с гипотезами. Открытия сып-

лются одно за другим: несуществовавшие прежде каналы, искусственные озера, другая окраска планеты на значительных пространствах — и все это за каких-нибудь три десятка лет, тогда как до этого ничего не менялось. Конечно, с точки зрения жителей Марса и Венеры это равносильно открытию новой планеты. Во всех марсианских книгах, если бы они там были, Земля описывалась бы до сих пор совсем другой.

— Ну, хорошо, — согласился я. Я был наполовину покорен логикой доводов Сергея. — А с земной точки зрения?

— А с земной — тем более. Ведь мы не только изменяем облик планеты, на которой живем, но и самую жизнь человеческую на Земле. Человек же — самое важное во всей истории Земли. Тебе, как историку, это отлично известно.

А если уж говорить о физическом мире планеты, то возьми любой учебник прошлых лет, даже не очень старый, и посмотри хотя бы описание климата в различных зонах в нашей стране. Есть что-нибудь похожее? А распространение растительности по зонам и поясам, северные границы, южные границы — что-нибудь осталось от этих границ? Нет, мы живем на новой Земле. На Земле, во многом переделанной руками советского человека. И знаешь, что я тебе скажу, дядя?

— Что?

— Наш космический полет был первым. Будут еще полеты. Все дальше и дальше. Человек побывает и на Марсе и на Венере. Что он там увидит, нам трудно даже сказать. Но что касается меня, то самой интересной из планет я считаю Землю. Особенно с тех пор, как деятельность человека на ней приобрела космические масштабы. Я имею в виду то преобразование Земли, которое осуществляется советскими людьми. Оно началось на шестой части планеты и разливается все шире.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Будем считать, что я проиграл пари.

Сергей засмеялся.

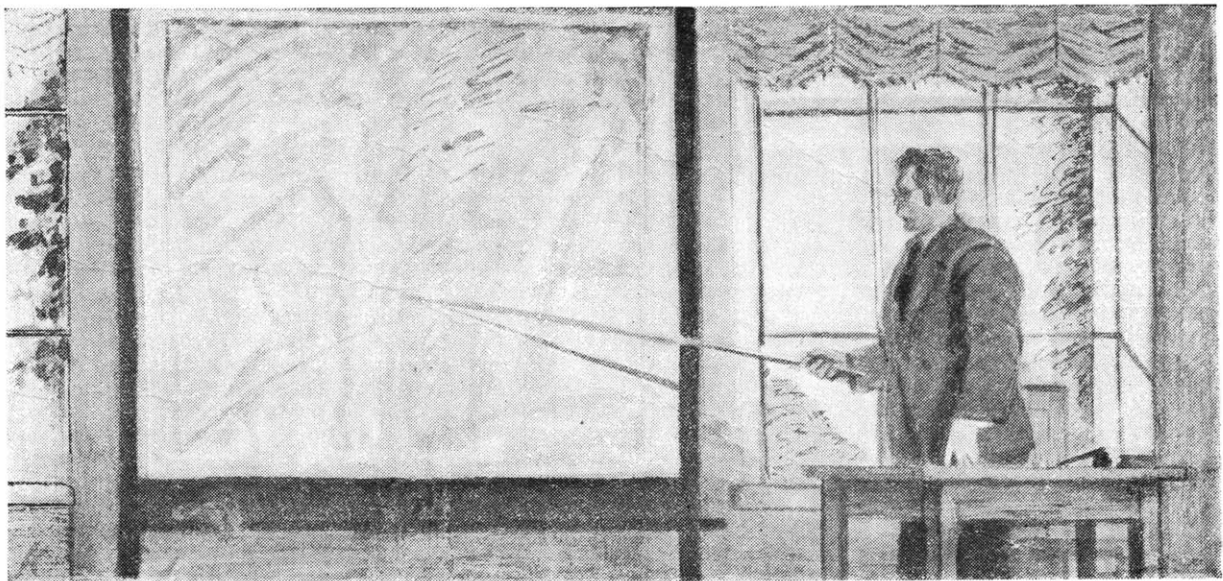
— Ладно, — сказал он. — Я не буду гребовать с тебя расплаты.

— Дай мне на память те фотографии, что ты показывал мне тогда, — попросил я.

— Снимки новой планеты? Отлично!

Он прислал впоследствии мне их — только не те, а новые, сделанные во время космического путешествия. Я увеличил фотографии и использую их как пособие при преподавании истории.

По-моему, эти снимки весьма поучительны именно в точки зрения истории человечества.

Я увеличил фотографии и использую их как пособие при преподавании истории